

СЕРГЕЙ
Зверев

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ БОЕВИК

БАСТИОН

ДРУГИЕ

Потерянный взвод

Сергей Зверев

Другие

«Научная книга»

2012

Зверев С. И.

Другие / С. И. Зверев — «Научная книга», 2012 — (Потерянный взвод)

Оказывается, существует другая, никому не известная Чечня, попасть в которую можно через пещеру, расположенную близ Ведено. Туда-то и угодили бойцы капитана Александра Стольников. Сам же капитан каким-то чудом сумел выбраться в нашу реальность. Он собрал отряд крепких ребят и повел их на помощь своим бойцам. Но проникнуть в параллельный мир еще раз оказалось не так-то просто. Там, в «Другой Чечне», хозяйничает банда Магомеда Алхоева, да и законы войны в перевернутом мире совсем иные...

© Зверев С. И., 2012

© Научная книга, 2012

Содержание

Предисловие	5
1	6
2	17
3	22
4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Зверев

Другие

Предисловие

На рассвете девятнадцатого мая одна тысяча восемьсот двадцать третьего года первая рота Черданского полка Кавказского корпуса генерала Ермолова вышла из крепости Грозная по направлению к селению Кайзехи. В районе Ведено она в полном составе исчезла, и поиски ее ни к чему не привели. Свидетелем того, что она вообще существовала, был рядовой Сажин, на марше отставший и не оказавшийся с ротой в момент ее исчезновения. Вернувшись в крепость Грозная, он доложил командованию о случившемся, но его сочли сумасшедшим и отправили в тыл.

Спустя сто семьдесят семь лет командование оперативной бригады особого назначения, дислоцирующейся в Грозном, получает информацию осведомителя о перемещении под Ведено в ночное время группы подозрительных лиц. Проверить это сообщение приказано командиру отдельного разведывательного взвода с одним отделением. Однако в тот момент, когда вертолет с разведчиками на борту подлетает к Ведено, его сбивают с земли переносным ракетным комплексом «Игла»...

Падая, вертолет разбивается и загорается, но небольшая высота позволяет разведчикам выжить и даже спасти одного члена экипажа – штурмана, старшего лейтенанта Пловцова. Преследуемые бандой полевого командира Алхоева, спланировавшего и организовавшего это нападение, отделение спускается по холму, оказывается на равнине и попадает в окружение. Случайное обнаружение странной пещеры позволяет командиру разведвзвода капитану Стольникову принять решение завести людей в катакомбы. Очень скоро он понимает, что коридорам под землей нет числа и им всем грозит смерть от голода и безумия. После долгих часов поисков группа видит на стене надпись буквами старорусского алфавита: БОГЪ ОСТАВИЛЪ НАСЪ, и Стольников понимает, что часы их существования сочтены.

Единственным, кто сумеет выйти из лабиринта, после нескольких полных опасности дней жизни там, в Другой Чечне, будет командир разведвзвода капитан Стольников. Но он выходит только для того, чтобы вернуться за своими бойцами...

1

«Вертушка», поднявшись со взлетной полосы аэропорта «Северный», ушла не на юг, к Ведено, а на юго-восток. Стольников опасался, что Алхоев предпримет нападение на вертолет, как уже сделал это однажды, поэтому принял решение изменить маршрут, и от предгорья Центороя он, пять его бойцов и Шурик добирались бегом.

Для Ждана это был первый в жизни марш-бросок в районе боевых действий. Все вокруг он воспринимал как предтечу боя. Несмотря на то что оружие, снаряжение и обувь ему помогли подогнать и приготовить к выходу, он чувствовал непомерную тяжесть в плечах и уже через три километра ровного бега натер ноги. Но говорить об этом в присутствии людей, для которых марш-бросок – ежедневное занятие, он посчитал дурным тоном. Поэтому и помалкивал о своей проблеме до самого входа в пещеру. И лишь когда Стольников, осматривая людей и снаряжение, бросил ему негромко: «Ты чего это, лейтенант, вприпрыжку скачешь?» – признался, в чем дело.

– А раньше нельзя было сказать?

Ждан промолчал.

– Теперь терпи.

Но все-таки задержал группу, вытащил из жилета новые, со склада, портянки, обильно посыпал натертую ступню Шурика стрептоцидом и велел выбросить носки.

В пещеру они вошли, вращая фонарями, как диггеры. Стольников был уверен, что закладка фугаса или даже установка растяжки в этой пещере не в интересах Алхоева. Но мало ли кто мог установить их без ведома полевого командира. Однако вскоре стало ясно: путь свободен.

– Шурик, ты не страдаешь клаустрофобией?

– Нет, а что?

– Ничего, просто так спросил.

Между тем Ждан был первым, кто через полчаса пути поинтересовался:

– А далеко еще?

– Далеко. А что?

– Ничего, просто так спросил.

Все время пути Стольников держал перед собой навигатор и сверялся с маршрутом. Никаких изменений и неприятных сюрпризов он не обнаружил. Напротив, стал припоминать даже некоторые повороты; это его успокоило.

Саша вспомнил, как он двигался с бойцами в этих тесных коридорах, и вымученно улыбнулся. Тогда, уже отчаявшись, разведчики вышли к водному тоннелю, ведущему из лабиринта. Все они благополучно выбрались через него на свет. Как будет сейчас? Ясно было одно: его встретит территория, которую ни он сам, исколесивший всю Чечню, ни штурман сбитого вертолета Пловцов никогда не видели за годы войны. Как там, кстати, Пловцов, неунывающий парень? Саша вспомнил, как штурман гнался по «зеленке» за негром-наемником, чтобы не убить, а избить, и снова улыбнулся. «Не к добру это веселье», – подумал он.

Когда до выхода из лабиринта оставалось около километра, к нему вплотную приблизился Шурик.

– У меня нет клаустрофобии.

– Я понял, – Саша удивленно посмотрел на тезку. – Это хорошо.

– У меня агорафобия.

– А это что за тварь? – насторожился капитан. Сейчас ему как раз не хватало рядом человека с душевным расстройством.

– Это когда человек опасается путешествовать в одиночку, – объяснил Шурик. – Бойтся далеко отрываться от дома и привычных мест. А еще он тревожится из-за возможных неприятных действий незнакомых людей.

– Мама дорогая! – восхитился Стольников. – И как ты поступил в военное училище с такими ощущениями?!

– Я скрыл.

«Тревожится из-за возможных неприятных действий незнакомых людей?..» – И с этим диагнозом ты приехал служить в Чечню?

– Я же говорю – скрыл!

Стольников ничего не ответил. Лишь у самого выхода посоветовал быть рядом с ним во время операции, из чего Шурик заключил, что это самое безопасное место.

Когда бы не морока с навигатором, прибором, благодаря которому можно было идти верной дорогой, Стольников непременно уперся бы и отказался брать с собой молодого лейтенанта. Шутка ли? – человек только что окончил военный вуз, обучающий специалистов космическим технологиям, и лейтенантик только-только осел в своей Коломне, в части, где понятия не имеют о кровавых мозолях, и тут нате – на войну. И что с ним здесь, на войне, делать? Разговаривать об агорафобии?

Пора было улыбнуться в третий раз.

Лейтенант Ждан был единственным, кто мог починить навигатор или придумать какую-нибудь космическую хитрость, и нужен он был лишь на то время, что группа двигалась в лабиринте. Но когда бойцы окажутся на открытой местности и придет пора положить навигатор в ранец, что тогда? Стольников не любил сюрпризов и неопределенностей, а лейтенант Ждан, Шурик, как он представился, этой неопределенностью и явился.

Группа шла молча, стараясь даже здесь не издавать ни звука. Стольников снова и снова прокручивал в голове события последних дней. Полевой командир Алхоев и войсковой разведчик Стольников охотились друг за другом не первый год. С тех пор как капитан жестоко оскорбил брата Алхоева, контролирующей территорию Ведено бандит поклялся уничтожить русского разведчика лично. В то же время ему самому приходилось быть осторожным, поскольку капитан Стольников дал себе похожую клятву. Алхоев, Алхоев, Алхоев... Кровавый бандит, хитрая тварь.

– Теперь понятно, как тебе удавалось уходить от меня, – пробормотал Саша. – Чуть что – в лабиринт, и ваших нет...

– Что вы говорите, товарищ капитан? – тут же напомнил о себе Ждан.

– Тише, лейтенант, – посоветовал Стольников, ругнув себя за мысли вслух.

Что было в тот день, когда они выбрались из коридоров? Саша отдал приказ основной части бойцов находиться у водопада с ранеными, оставшихся он разделил на части и отправил в разведку местности, одну из групп возглавив лично. И вот тут-то и появился он, навигатор...

Но еще до того, как устройство попало к нему в руки, пришлось свыкнуться с мыслью, что территория, где он оказался с бойцами, – не зона эксперимента по выживанию, не параллельный мир, не галлюциногенный бред, а всего лишь не известная ученым и федеральным властям часть Чечни. С этой мыслью они с прапорщиком Жулиным набрали на домик, похожий на сторожку, и обнаружили прибор. Кто-то оставил его, и теперь понятно, что это был Алхоев. А потом – встреча со странными людьми, чей облик явно не вписывался в жизнь начала двадцать первого века. Однако никакого колдовства – все просто: странные люди, живущие в Этой Чечне, – потомки солдат роты Черданского полка, исчезнувшей более полутора веков назад...

Из пещеры они выходили осторожно, по одному. Как только один из бойцов оказался вне лабиринта, он тут же забегал за укрытие и располагался для стрельбы. Но стрелять нужды пока не было. Стольников вышел последним. Через пять минут ожидания капитан поднялся и махнул рукой. Четверо, и с ними Шурик, покинули укрытия.

– Наша задача – скрытно добраться до крепости. Это плохо укрепленный город в полутора часах отсюда. Мы должны успеть до рассвета. Если вопросов нет, за мной.

Развернувшись, Стольников стал спускаться с холма, группа двинулась за ним. А Ждан, торопливо шедший посреди группы, удивлялся тому, что шесть человек двигались по равнине бесшумно, как лисы.

«Алхоев не стал организовывать засаду у входа, – думал Саша, глядя то на часы, то по сторонам. – Неизвестно, сколько людей со мной вернулось. Он просто попытается заманить меня в ловушку и там угробить. А взрывать тоннель или бить первых показавшихся из него – глупо. Отойдут, и потом попробуй, вытяни их оттуда. А если в лабиринте батальон?.. Я бы так, во всяком случае, делать не стал».

Через полчаса бега, когда группа поднялась на холм, показались первые приметы крепости: крошечная лампадка в глубине города, на старой колокольне. Как и прежде, она мерцала, как звезда в далеком небе.

– Мы почти на месте, – Стольников осмотрел людей еще раз. – Проверить оружие.

– Мы будем входить в крепость громко? – на всякий случай поинтересовался Яшин, которому было все равно, как входить.

– Нет, в крепости отделение, и кто бы там ни был помимо ребят, двери нам откроют.

– А если не откроют? – проявил любопытство Ждан, который начал понимать превосходство портянок над носками.

– Тогда мы войдем громко, лейтенант, – успокоил парня Яшин.

Шурик догадался: Яшину приятнее входить «громко», чем в открытые ворота. Сержант-контрактник был создан не для скучной жизни. Ждан это еще в Моздоке заметил.

Группа, рассыпавшись в цепь, приближалась к крепости. Сердце Шурика бешено колотилось. Вот он, первый бой! Он прислушивался к себе, пытаясь понять, готов ли к нему. Вообще, странно и несправедливо будет, если его сейчас убьют. Так не бывает. Первый бой, и убьют. Это неправильно.

Крепость становилась все больше и больше, будто росла на глазах. До сих пор не прозвучало ни единого выстрела. Ждан смотрел на Стольникова и пытался разгадать – начнется стрельба или нет. Хотелось, чтобы не началась. И его желание исполнилось. Когда до крепостных ворот оставалось чуть больше ста шагов, на ее стене появился, освещенный факелом, человек.

– Штурман! – радостно прокричал Стольников и рассмеялся.

Шурик не вполне понимал, чем вызвана эта радость, тем более ему не было понятно в этой ситуации, что такое «штурман». «Вероятно, это прозвище», – подумал Ждан и стал замечать, что радость командира повлияла на сердце. Оно стало не так бешено колотиться. Бойцы заметно расслабились, но Стольников не велел приближаться. Велев группе залечь, он подошел к воротам и уже оттуда, переговорив с человеком на стене, негромко свистнул.

Ждану, да и другим, с кем Стольников вошел в лабиринт этим днем, не суждено было знать о дружеской связи, существовавшей между капитаном и штурманом.

Неделю назад вертолет, на котором группа капитана следовала к Ведено, был сбит с земли бандой Алхоева. Пловцов был единственным из членов экипажа, кто выжил, и, как часто бывает на войне, этой недели хватило, чтобы Пловцов стал для Стольникова одним из самых близких людей. Тогда, выбравшись из горящей «вертушки» и отстреливаясь от чехов, Саша посматривал на «летуна» и размышлял, не станет ли он для группы обузой. Но штурман выдержал экзамен на прочность. И сейчас, видя Олега, Стольников готов был поклясться, что отправился бы с этим человеком на задание, как и с любым из своего разведзвода.

Когда боевики осадили город-крепость, Пловцов решил не покидать его, а остаться. Но не свою жизнь он спасал и не делал передышку для отдыха. Олег оставался в крепости, чтобы найти в ней человека, поддерживающего постоянную связь с бандой Алхоева. Пока информа-

тор в городе, полевой командир знает обо всем, что в нем происходит. И Олег, рискуя жизнью, остался. Но Стольников еще не знал об этом, и радость встречи с Пловцовым для него была лишь предвкушением встречи с бойцами. Саша не мог предполагать, что отделения, с которым он впервые вошел в Эту Чечню, в крепости уже нет...

И сейчас, подходя к воротам и подавая знак, капитан не мог не выдать радости от предстоящей встречи.

Ворота со скрипом распахнулись, группа вошла в город. Несмотря на поздний час, Стольникова и его людей встречала огромная толпа. Мужчины, женщины и даже дети топтались на огромной площади близ ворот, и капитан с удивлением вглядывался в их лица. Еще трое суток назад, словно заколдованные, горожане теснились у стен, рассматривали разведчиков напряженно и с беспокойством. Сейчас же, глядя на них, Стольников не мог не заметить перемен. Это были обычные люди, с радостью и гостеприимством встречающие гостей. Саша поймал себя на мысли, что вдруг стал различать в толпе женщин и даже находить, что многие из них привлекательны. Но решил с этой мыслью пока расстаться.

– Ну, привет, старик! – проговорил он и обнял Пловцова.

– Вижу, батенька, эти дни дались вам с трудом, – рассматривая ссадины на лице капитана, заметил Пловцов. – Как там? Погода шепчет?

– Там так же, как здесь, море подонков, и ходить лучше всего в бронежилете. Где боевики?

– Они вышли из города.

– Что значит – вышли из города?

– Это значит, что в городе были боевики.

– Это я понял. Я не понял, как они тут оказались. Они что, штурмовали стены? – Стольников вдруг напрягся. – Люди живы?!

– Да-да, живы, Саша, успокойся... Как такового боя не было, предусмотрительность и наши активные действия выравняли ситуацию...

– Прекрати разговаривать со мной заумными речами! Что случилось?

– Боевики вошли через западные ворота...

– Какие западные ворота?

– Вот видишь, для тебя это тоже новость... – Пловцов помялся. – Послушай, Саша, мне нужно многое тебе рассказать.

– Это я уже понял!

– Я остался, чтобы разыскать радиста из местных. Мерзавец посылал из города сигналы Алхоеву...

– Остался? – капитан вырывал из контекста сигнальные слова, пытаясь прояснить ситуацию. – Откуда среди горожан радист? – нахмурился Саша. Он уже ничего не понимал, а Пловцов не торопился объяснять.

Стоять посреди площади и задавать вопросы было глупо, Стольников, тряхнув штурмана за рукав, повел его к зданию администрации. Следом, с удивлением посматривая по сторонам, двинулись бойцы. Они выглядели, как деревенские, впервые посетившие зоопарк.

– Многих здесь перебили, разыскивая меня и Маслова. Но не получилось. Они ушли, командир.

Это была хорошая новость. Но главной Стольников еще не слышал.

– Я хочу переговорить с Мамаевым, – сказал Саша, уверенной поступью шагая сквозь толпу. – Со мной человек, разбирающийся в электронике, и куча батареек. Нужно попытаться наладить связь с бригадой.

– Ты не сможешь поговорить с Мамаевым, Саша.

– Что?.. – Стольников резко остановился.

– Нет-нет, он жив... – поторопился объяснить Пловцов. – Надеюсь, что жив.

Бойцы окружили место, где проходил разговор, а Шурик протиснулся поближе к Стольникову. Как-то неприлично стоять за спинами солдат, когда офицеры беседуют.

– Саша, группа ушла из крепости.

Стольников сделал несколько жевательных движений и посмотрел на Пловцова. Капитан сейчас плохо соображал. Первое известие показалось ему странным, второе ввело в ступор.

– Еще раз, – попросил он.

– Группа ушла из крепости.

– Разве я не приказывал дожидаться меня за этими стенами?

К ним приблизились несколько мужчин, одетых по местным обычаям в домотканые рубашки и брюки. Ждан с интересом рассматривал на их ногах мокасины из кожи какого-то животного.

– Господин офицер, – обратился один из них, – ваши люди ушли на Полярную звезду.

– Пловцов, почему эти люди отвечают за тебя?

– Они имеют на это право, – отозвался штурман.

– В самом деле? – насмешливо проговорил Саша.

– Эти люди спасли нас. Если бы не они, ты видел бы сейчас наши могилы. Если бы только было, что хоронить.

– Допустим, – согласился Стольников. – Допустим, что я им доверяю. Тогда мне нужен переводчик. Ты, вижу, уже вполне освоился здесь. Поэтому переведи, что сказал этот человек, – и Стольников, глядя на Пловцова, показал на одного из мужчин.

– На севере есть завод, он принадлежит Алхоеву.

– Так.

– Группа ушла туда.

– Значит, чтобы спастись от боевиков Алхоева, группа ушла на какой-то, мать его, завод Алхоева? Ты поправь меня, когда я начну нести ахинею.

– Капитан, может, пройдем внутрь, и я все расскажу?

– Да! Это то, что сейчас нужно! – Стольников посмотрел на мужчин. – И вы тоже следуйте за мной.

Через час Стольников знал все. Как ни странно звучало, группа во главе с прапорщиком Жулиным ушла на завод Алхоева, чтобы спастись от полевого командира.

– Здесь нет укрытий, Саша. Не разбивать же лагерь в «зеленке»? Чехи перебьют всех за минуту!

– Согласен. Кто с Масловым?

– Местный врач. Маслов не пришел в себя, но состояние стабилизировалось.

Саша закурил и прошелся по комнате, вдоль стен которой сидели бойцы. Все вошли на второй этаж администрации, было решено переждать ночь там. Горожане несли еду, воду, и многие понимающие – даже бражку, но к еде никто из разведчиков не притрагивался. Лишь Шурик, позабывший в бригаде фляжку, подтянул к себе кувшин с ледяной колодезной водой и с ним не расставался.

– Расскажи, что было, когда ты вышел из лабиринта? – попросил Пловцов.

– Костычев и Мякишев поместили меня в госпиталь Ханкалы под присмотр своих сотрудников.

– Костычев и Мякишев, это?..

– Первый заместитель начальника Управления ФСБ по Северному Кавказу, второй – его подчиненный.

– Но зачем они тебя туда поместили?

– Чтобы выяснить подробности исчезновения разведывательного отделения. Вот зачем. Я был не настолько плох, чтобы занимать чужую палату.

– Все так серьезно? – глядя исподлобья, справился штурман.

– Управление считает меня предателем и подозревает в сумасшествии, так как я рассказываю истории, вызывающие сомнение в здравости моего рассудка.

– Их сюда надо!

– Нет уж, не надо их сюда, – не принимая шутки, возразил Саша. – Я бежал из госпиталя. Командир бригады генерал Зубов мне поверил. Если бы не он, я бы уже давно занимал не палату госпиталя, а камеру в СИЗО. Но насчет предателя «конторские» абсолютно правы. Нюх у них на это дело работает, как надо. К этому бы нюху да еще и мозги толковые. Унюхали, а где именно – непонятно. Искать надо. А зачем искать? Если есть я, на которого можно все повесить?..

– А ты знаешь, кто из офицеров бригады работает на Алхоева?

– Думаю, знаю. Это он организовывал для моей ликвидации проникновение банды боевиков на территорию бригады. А я кто?

– Капитан-разведчик вроде, – не понимая, проговорил Пловцов.

– Это во-вторых. А во-первых, для Алхоева я единственный пока свидетель существования Другой Чечни. Чтобы сорвать планы Алхоева, генерал Зубов и вызвал из Коломны этого парня, – Саша кивнул в сторону Ждана. – Знакомся, специалист по компьютерным технологиям. Он создал копию навигатора, а Зубов с начальником штаба спровоцировал ситуацию, при которой предатель должен себя выдать.

– И что, сработало?

– Есников.

– Подожди, – нахмурился штурман. – Это же вроде заместитель начальника штаба вашей бригады, нет?..

– Так точно. Это именно он способствовал проникновению группы боевиков в часть, после чего похитил дубликат навигатора, полагая, что он единственный, и встретился с Алхоевым.

– Теперь ищи его...

– Его не нужно искать, он уже в морге. Алхоев перерезал ему горло. Закономерный исход. То, что я здесь, – это заслуга только Зубова. Нам никто не помогает, никто...

– Ну, не так уж мало, что ты здесь, старина, – улыбнулся Пловцов.

И Саша ему ответил улыбкой.

– Местные рассказали, о каком заводе идет речь? – переключился на другую тему Стольников. – Почему завод? Алхоев что, фабрикант?

– Никто не знает, что там производят. Людей уводят туда, обратно они не возвращаются. Есть один, кому удалось бежать, но ты сам все слышал еще до убийства. Что спрашивать с человека, который говорит, что там «работают какие-то железные механизмы и есть трубы»?

– Может, Алхоев организовал здесь предприятие по сборке «Фордов»? – бросил Яшин и обнажил свои золотые зубы.

Для бойцов, впервые увидевших людей, живущих в отрыве от цивилизации, все было в диковинку. Яшин присел рядом с мужчиной лет сорока на вид, рассматривал его, а последний делал вид, что Яшина не замечает. Все хоть и были предупреждены о диковинках в этой местности – Стольников, чтобы скрасить время пребывания в бесконечном лабиринте, рассказал все, что знал, – но, увидев все своими глазами, были поражены. Единственное, что удерживало разведчиков от расспросов местных, это поведение Стольникова. Капитан хотя и не нервничал, однако явно был растерян. И бойцы не пытались создать ему дополнительные трудности. Чтобы командир принял решение, должно пройти какое-то время.

– Ты говорил о каком-то связисте, – напомнил Саша. – Его нашли?

– Он исчез из города.

– Трофим?

– Тоже.

– Николай?

– И его нет.

– Хорошо, – кивнул Стольников. – А сейчас сидите, как мыши, и молчите.

Выйдя из комнаты, он поднялся на крышу, сел, вглядываясь в мерцающий огонек лампы, и стал приводить мысли в порядок. Нужно было принимать какое-то решение, а он оказался к этому не готов. Еще там, в Привычной Чечне, он знал, что будет делать. Он распланировал все поминутно. Но сейчас, когда группа исчезла, все изменилось. Между тем время подумать было. Выходить с неполным отделением в ночь опасно. Кто знает, вдруг Алхоев позволил Стольникову войти в Эту Чечню для того, чтобы его прикончить? А что? Навигатор здесь. О дубликате прибора полевому командиру известно. Осталось только перебить разведчиков.

Нужно было встретить рассвет с готовым планом. И Стольников уселся на крыше, чтобы привести мысли в порядок. Ему нужно было время.

Первым заговорил мужчина из крепости. В очередной раз глянув на несводящего с него глаз Яшина, он не отвел взгляд, как было раз семь до этого, а задержал его на сержанте.

– Ты мне хочешь предложение какое-то сделать?

– Ну конечно! – живо отозвался Яшин и придвинулся еще ближе.

– Свадьбу предложить.

– Не-не, – Яшин положил автомат и принял серьезный вид. – Слушай, у тебя кризис среднего возраста уже наступил?

Не представляя, что на это ответить, мужчина вяло поморгал. Находившийся поблизости Шурик напряг слух.

– Ну, на сторону тянет?

– На сторону?

– Ну, налево?

– Налево?

– Ты чего, будешь повторять все, что я говорю? – огорчился Яшин.

– Я просто не понял, что такое кризис среднего возраста.

– Seriously? – удивился сержант. – Как бы тебе объяснить... В общем, у мужчин после сорока наступает кризис среднего возраста. Проявляется это, говорят, у каждого по-разному, в прямой зависимости от индивидуальных особенностей. Я тут у деда Фрейда в записях покопался, выяснил: оказывается, в основном прет то наружу, чего до сорока позарез не хватало.

– Это как?

– То есть вот для примера: рождаешься, учишься, встречаешь девушку своей мечты. И живешь эти сорок лет правильно, по субботам – церковь, по воскресеньям с детьми – в кино, а поздними вечерами по очереди в кровати – чтение Мопассана и Маргарет Митчелл.

– Кино? – невнятно произнес старожил.

– Да. И так сорок лет. И тут вдруг словно пелена спадает! Словно где-то в тридевятом царстве злую ведьму убили, и ее магия утратила силу. И ты выбегаешь в подъезд и насилуешь страшным образом уборщицу. Как-то так я понял.

– Нет, у меня ничего подобного нет.

– Все еще впереди, – успокоил мужика золотозубый Яшин. – Только никогда не знаешь, как проявится.

Ждана разговор заинтересовал. Особенно в той связи, что сидели и разговаривали два человека из разных вселенных.

– Собственно, по всему выходило, что по наступлению кризиса поперет меня к длинноногим выпускницам геодезического вуза по специальности «пространственно-геометрические измерения в недрах земли». Чего, строго говоря, мне так не хватало все эти годы. И вот

поперло! – Яшин закурил и предложил собеседнику. Тот отказался. – Но как-то странно, совсем не туда. То есть тяга непреодолимая есть, да, но на голые ноги геодезисток даже смотреть не могу. И вместе с этим нет никаких сил совладать с желанием достать марихуаны и сесть в спорткар. То есть желание подойти к выпускнице университета геодезии и картографии не исчезло, но изменилась конечная цель. Вопрос «Что вы сегодня делаете вечером?» видоизменился до «Вы не подскажете, где тут у вас продают траву?»

Докурив, Яшин растоптал окурочок ботинком.

– У тебя что-то похожее на это было?

– Вообще, из всех слов я понял только «трава».

Яшин огорченно покашлял.

– Скучно тут у вас.

– А у вас, вижу, присесть на дорожку некогда.

Яшин посмотрел на часы и потом – на потолок. Где-то там был Стольников.

– Яшин, а вам сколько лет? – не мигая, спросил Шурик.

– Тридцать, товарищ лейтенант.

– Так вы, вроде, до кризиса еще не дотягиваете?

– А у меня он с рождения, товарищ лейтенант, – оскалился Яшин.

«Пловцов сказал, что сигнальщик исчез из города, – думал Стольников. – Сигнальщик, знающий азбуку Морзе. Зовут Алексеем, на вид около тридцати, как описал его Пловцову убитый чехами дед. Появился через год или через два после того, как в Эту Чечню явился Алхоев, ничем особенным не выделялся, вел уединенный образ жизни. Все правильно, так и должен себя вести свой среди чужих. А когда возникала необходимость, семафорил Магомеду Кровавому. Наверное, «в эфир» выходил периодически, в установленное время, по договоренности заранее. А что? – удобно. Чехи в город не заходят, а что там происходит – знают отлично».

Саша лег на спину и стал рассматривать небо. Сколько раз уже вот так, закинув руки за голову, он смотрел, думая о своем. Низко сидящие звезды, похожая на зубчик чеснока луна, свежесть...

«А зачем ему уходить из города? – подумал вдруг Стольников. – Не для того он сюда прибыл, чтобы бежать. У него здесь своя задача, за нее ему платят. И откуда ему, вообще, знать, что дед перед смертью его выдал?» – от этой мысли капитан привстал на локте и посмотрел на лампаду. Она светила, не мигая.

Сигнальщик просто исчез. Но не из города!

Капитан сбегал вниз и подошел к горожанам, ведущим неторопливый разговор с «пришельцами».

– Кто знает Алексея в лицо?

– Это тот, что пяток лет назад в городе объявился?

– Точно.

– Ну, я знаю, – ответил один из мужчин. – Да его, кажется, все тут знают.

– Где живет?

– Он на первом этаже в Темном поселился, под Копытиными. Не строить же ему одному дом, а там как раз комната пустовала.

– В Темном поселился? – наморщил лоб Стольников.

– Это район у нас в городе, – объяснили. – Там место странное. Сколько фонарей на стенах домов ни зажигаешь ночью, все одно ветер задует. Поэтому темно там, хоть глаз коли.

– Центр розы ветров?

Мужик повернулся к Шурику.

– Чего?

– Я говорю – центр розы ветров.

– Сколько слов, не связанных друг с другом по смыслу, – подумав, заметил мужик.

– Яшин, Мартынов, за мной! – приказал Саша. – И ты, земляк, поднимайся. Веди в этот Темный.

Они вышли из здания администрации и направились вслед за провожатым к восточной окраине города. Через десять минут приблизились к двухэтажному домику, выделяющемуся среди себе подобных тем, что был обложен камнем.

– Стоять здесь, не шевелясь, понял?

Мужик кивнул.

Стольников и с ним двое скрылись за домом, после чего мужчина увидел, как появился только капитан. Осмотревшись и осторожно заглянув в окно, он постучал в жалкое подобие двери – сколоченные доски, в щели между которыми можно было просунуть палец.

Никто не ответил, и тогда Стольников толкнул створку от себя. Она открылась, обнажив темный вход. Из-за дома вышел Яшин и, скользнув мимо командира, заскочил в дом. Стольников вслед за ним мгновенно скрылся в темноте. Через несколько мгновений оттуда послышался тихий короткий свист.

Прижавшись к стене дома напротив, мужчина увидел, как из-за угла появился третий разведчик. Но в дом он заходить не стал. Просто шагнул вперед, да так и остался – наполовину на улице, наполовину в доме. Лишь ствол его автомата тускло блеснул в свете месяца.

Включив фонари, разведчики быстро обыскали дом. Обстановка была убогая: кособокий стул, такой же стол, кровать, постельное белье, тканное местными умелицами. Саша посветил в пол, рассматривая зазоры между досками.

– А ну-ка, Яшин, откинь парочку...

Наклонившись с ножом в руке, сержант зацепил и отбросил в сторону одну за другой три доски. Луч фонаря капитана ударил ярусом ниже.

Уже не церемонясь, Стольников отбил в сторону еще несколько досок.

– И что это у нас такое?

Луч света уперся в сидящего на земле человека.

– Алло, справочная! – позвал его Стольников. – Вы не знаете, где сейчас может находиться чувак по имени Алексей, прибывший из внешнего мира лет пять назад?

Щурясь от слепящего его света, человек со вздохом облегчения развел в стороны руки и вытянул ноги. Складывалось впечатление, что он давно мечтал о подобном исходе дела. Саша посветил фонарем вокруг. Рядом с обнаруженным хозяином дома лежали несколько пустых банок из-под тушенки и глиняный кувшин с водой, похожий на те, в которых всю ночь носили разведчикам воду горожане.

– Ну, вылезай, горе луковое! – приказал Стольников. – И пару пустых банок с собой захвати.

Разведчики выбрались из погреба, Яшин опустил руку в лаз и за шиворот выдернул из него пленника.

– Имя?

– Алексей...

– Фамилия?

– Зачем вам?

Яшин без размаху пробил ему кулаком в живот.

Стольников помог пленнику выпрямиться.

– У нас два варианта разговора сейчас, – Саша положил ему руку на плечо. – Первый, безболезненный: ты отвечаешь на мои вопросы. Как священнику. Если выбираешь второй, то в этом случае я оставляю тебя с этим человеком, – он показал на Яшина. – И через минуту общения с ним ты сможешь по моей просьбе разговаривать на турецком, показывать карточные фокусы или связать мне свитер. Какой дорогой пойдём, приятель?

– Кашин...

– Хорошо, Кашин. С какой целью тебя поселил в этот город Алхоев?

– Вы что-то путаете...

– Яшин, поговори с ним, у нас мало времени.

Сержант закинул автомат за спину и одним ударом свалил Алексея на пол. После второго удара ногой пленник, сплевывая кровь, взревел:

– Он убьет меня!.. Вы уйдете, а он мне горло перережет!..

– Когда это случится! А я перережу тебе сейчас! – вскричал Стольников и, выхватив нож из ножен, схватил Алексея за волосы и запрокинул ему голову. Когда отточенное как бритва лезвие коснулось кадыка Алексея, тот прошептал:

– Хорошо... хорошо... Меня похитили под Дача-Борзой... Сначала хотели получить выкуп... Но когда стало ясно, что платить за меня некому, повели резать... Как вы сейчас!.. Но тут подъехала машина, из нее вышел Алхоев... Поинтересовался, как меня зовут, кем работал. Выяснил, что связист по образованию, геолог по профессии, и тогда спросил, не хочу ли я поработать на него. А что мне оставалось делать?!

– В какое время ты выходишь на связь с чехами?

– Как вы узнали?

– Не твое дело, – отрезал Стольников. – Ты до сих пор жив только потому, что своим сеансом сутки назад спас группу. А вообще ты, конечно, заслуживаешь худшего...

– Вы поведете меня в Ту Чечню, чтобы передать органам?

Стольников покачал головой:

– Думаю, будет справедливо оставить тебя здесь навсегда, передав в руки местных жителей. Так я и сделаю, – схватив человека Алхоева за шиворот, Стольников поволок его к выходу.

– Подождите, подождите! – взмолился Алексей. – Как вы не понимаете! Я же могу быть полезен вам!..

– Ты предатель, сукин сын! Чем ты можешь быть мне полезен?

– А кого я предал?! – взорвался вдруг Кашин. – Милиции Дача-Борзой было известно, что я похищен! Местный начальник РОВД знал, где я нахожусь, и еще участвовал в переговорах о моем выкупе!.. Кого я предал?! Своих?! А где они – свои?! Покажи, если такой умный!

Яшин хотел достать его рукой, но Стольников не позволил.

– Пойдем, радистка Кэт... Я решу, что с тобой делать.

Из дома они вышли вчетвером.

– Я спросил тебя, когда ты выходишь на связь, – напомнил Стольников.

– Ах, да, да... – засуетился Кашин. – Обычно во вторник, четверг, субботу, в двадцать три часа. При необходимости – сразу.

– И кто же принимает твои сигналы?

– Где-то далеко отсюда есть завод Алхоева. Там у телескопа постоянно сидит человек...

– Что ты знаешь о заводе?

– Ничего, – взмолился снова Кашин. – Клянусь – ничего! Мне нужно было только узнавать новости в городе и передавать информацию. Алхоев обещал, что через год даст денег и выведет отсюда...

– Какой наивный, – усмехнулся Яшин.

– Он не об Алхоеве, – на всякий случай пояснил капитан.

Бывший геолог поведал еще одну интересную новость. Оказывается, Николай всего лишь час назад бежал из крепости. Он звал Кашина с собой, но тот отказался.

– Час назад... – прошептал Стольников. – А Трофим, атаман?

– После ухода бандитов Алхоева из города я его больше не видел.

– Бандитов... А ты кто, шкура? – вскипел Яшин, толкнув геолога в спину.

Тот по инерции сделал несколько шагов вперед и бросил отчаянно, опустошенно:

– И я – бандит...

Сборы не заняли много времени, все необходимое было у разведчиков в руках.

– Сергей, – Стольников отвел Пловцова в сторону. – Ты должен остаться.

– Почему?

– Ты должен остаться, – повторил капитан. – Я уйду с людьми вслед за Николаем. Думаю, он приведет меня и к заводу, и к нашим... Но в городе должен быть кто-то свой. Тем более, вижу, у тебя авторитет здесь появился... – Стольников с любопытством осмотрел сидящих на полу горожан. – Ну и не могу же я Маслова с собой взять, правда? А этот... – Стольников подозвал геолога. – Этот будет передавать нам информацию в случае необходимости. Ты Морзе знаешь, так что контроль над этим парнем держать сможешь...

– Мне не нужен контроль! – процедил Кашин.

– Может так случиться, что именно эта связь нам понадобится. Ну и, наконец, последнее... Крепость – это единственное место, куда мы сможем вернуться в случае погони. Если...

– Если что? – уточнил штурман.

– Если сможем вернуться. Как бы то ни было... – Он вынул из жилета и положил в руку штурмана навигатор. – Сохрани его. Если останешься один, выйди и расскажи о нас. Но ни в коем случае – не в ФСБ. Единственный человек, которому ты сможешь доверять – генерал-майор Зубов, командир бригады. Ты понял, Сергей?

Бойцы, поймав взгляд командира, зашевелились.

– И не забывай про Трофима, – шепнул Стольников штурману. – Возможно, он сейчас у Алхоева, но мне кажется, что он здесь. Не может быть, чтобы эта крыса за столько лет не придумала пути отхода для себя и укрытие.

Через пять минут группа Стольникова вышла из ворот крепости. Как только последний из бойцов оказался за ее пределами, тяжелая дверь закрылась, и огромное бревно скользнуло в пазы. Крепость оказалась отрезанной от остального мира.

2

Пройдя метров триста на запад, Николай остановился. С его лба градом катился пот, от которого разъедало все лицо. Новые укусы комаров в распухшие части тела заставляли его вырваться из ненавистной «зеленки» и идти по открытому участку местности. Еще два часа ходьбы в зарослях, и укусы комаров станут не болезненными, а убийственными. Ночь, когда он бежал из крепости, оказалась роковой. Инстинкт самосохранения требовал вернуться. Что выяснят разведчики, когда станет ясно, что он связан с Алхоевым? Они получают противоречивую информацию. Стольников поведет солдат к заводу. Если бы на месте Стольникова был другой, можно было ни о чем не беспокоиться. Но этот переверошит все вокруг! Он не успокоится, пока не закончит дело. Его пули не берут, что ли?..

«Ну, уйду подальше от крепости, – думал Николай, – и что? Меня там затравят уже через сутки. Продолжать уходить «зеленкой» к лабиринту? И что я буду там делать без навигатора?»

Стоять и думать посреди облака гноса было невозможно. Пора было принять решение. Бросив взгляд на солнце, Николай направился назад. Но идти след в след он не будет, сделает крюк и вернется в город. Это единственное место, где его не станут теперь искать. Если только случайно кто-то наткнется. Но подобную возможность можно исключить, спрятавшись у надежного человека. Жаль только, что таких осталось мало.

Было бы дело в Чечне Привычной, и будь он человеком из мира, где она находится, он вышел бы на дорогу. Вытряхнул из автомобиля первого же попавшегося водителя и сел за руль. До Дагестана недалеко, а там тихо, войны нет. Можно затеряться и ближайшим же поездом отбыть с Кавказа. Но Николай был из Этой Чечни.

После бегства из крепости его мысли текли уже в том направлении, в каком текут мысли заматерелого преступника. Убить в случае необходимости – и скрыться. Николай уже не боялся этих мыслей. Стреляя в солдат федеральных войск, он поставил себя вне закона, и назад пути уже не было.

Через полтора часа Николай вышел на незнакомую ему поляну и прислушался. Он еще не видел реки, но слышал ее звуки. Стремящаяся куда-то узкая полоска воды. Это было то, чего он жаждал. Вода... О ней Николай думал все время, пока находился в «зеленке»!

Хотелось бегом перебежать участок с еще не выжженной солнцем травой и прямо в одежде рухнуть в эту голубую воду!.. Но это желание пересиливал инстинкт самосохранения. Присев на корточки, Николай внимательно осмотрелся. Ни солдат, ни чеченцев здесь просто не могло быть! Но все же нужно быть осторожным. Второго шанса остаться в живых у него не будет.

Сделав крюк, он почти подошел к крепости. До нее оставалось чуть больше трех километров. Предположить, что в данный момент он находится здесь, может либо сумасшедший, либо гений. А для этого нужно мыслить мозгами или гения, или сумасшедшего. Стольников, по мнению Николая, не был ни тем, ни другим. Вот Алхоев – да. Тот бы уже поджидал беглеца у этой реки! Мыслимое ли дело – пройти ночью около восьми километров по лесу, чтобы сделать круг и вернуться? Может ли догадаться об этом молодой офицер, который и осмотреться-то здесь толком не успел?

Думы о том, как он вернется в крепость после ухода русских, как будет там скрываться и чем питаться, стали тревожить его все чаще.

«Нужно думать о сегодняшнем дне, – почти проговорил он вслух. – Выждать, отдохнуть, а после выйти из этой проклятой страны». Как? Этого он еще не знал, но чувствовал, что окажется среди нормальных людей обязательно.

А сейчас перед Николаем была река. Ее воды приведут в чувство, освежат и снимут тянущую боль с тела. Он будет сидеть в воде до тех пор, пока не почувствует озноб. Если два-

три раза повторить эту операцию – исчезнет зуд и отечность. Лучше заболеть простудой, чем загнить...

А простуда – чушь! Он вылечит ее за один вечер... Не отрывая взгляда от волнующей ряби, Николай быстро разделся. Тело, искусанное насекомыми, выглядело ужасно. Бордовые пятна чередовались с молочно-белыми участками кожи. В нагом виде Николай был еще более ужасен. Но его это не волновало.

«Если кто-то появится, прижмусь к берегу, и меня не заметят. Я могу сидеть здесь вечность. А потом определяюсь, что делать дальше...»

В последний раз окинув внимательным взглядом местность, он спустился к реке. Запах речной сырости и прохлады тут же прогнали усталость и чувство отчаяния.

Еще шаг – и он зашел по пояс...

– Николя, здесь налимы водятся?

Если бы сейчас посреди водоема вскочило, разметав воду, лох-несское чудовище, он бы испугался. Если бы вдруг мимо него, брызгая холодными каплями, пронесся гидроцикл, Николай бы удивился. Но, услышав за спиной этот голос, он не испугался и не удивился. Он почувствовал, как его покидают последние силы. Он не мог не только бежать или сражаться, но и думать об этом. Николай повернулся, как робот, переступая одними ступнями...

В трех метрах от него, на холмике бережка, на траве сидел Стольников. Он шевелил языком зажатую в зубах былинку и смотрел мимо Николая. На его коленях лежал автомат. А за спиной капитана стоял какой-то золотозубый гигант и зловеще улыбался. Пулемет в руках этого человека казался детской игрушкой.

– Ты когда-нибудь пробовал жареного с лучком налима, Колян?

Николай стоял по пояс в воде, не чувствуя разницы температур воды и воздуха. Подняв глаза к небу, он глянул на солнце. Оно показалось ему черным, Николая повело в сторону. Он стал цепляться руками за воду, хлопая по ней ладонями, как малыш. Только сейчас он понял, что все надежды на спасительное бегство рухнули. Всю ночь он напрасно кормил комаров. Совершенно не чувствуя левую половину тела, Николай стал заваливаться в воду...

Очнувшись он уже на берегу. Лежа на спине, с трудом разомкнул тяжелые, словно свинцом налитые веки. Над ним, загораживая солнечный свет, стоял Стольников. С мокрых волос и одежды капитана вода капала прямо на лицо Николая.

– Кому суждено помереть на лесоповале, тому не суждено утонуть, Колян, – услышал Николай.

Потом говорящий отошел в сторону, и Николай снова увидел висящий прямо над ним черный диск солнца.

– Поднимите этого мерзавца, – приказал Стольников. – Мне нужна информация.

Яшин с радостью бросился выполнять поручение. Он, справедливости ради сказать, все делал с радостью. И отход группы под Самашками с радостью прикрывал, и с радостью первым при зачистках в дом входил, и с радостью информацию добывал.

– Коля, Коля, Николай, сиди дома, не гуляй! – присел перед привязанным к дереву подручным Трофима Стольников. – Тебе мама не пела эту песенку?

Тот набрал слюны, чтобы плюнуть в лицо капитану, но хлопок по уху заставил его выплюнуть ее себе на брюки.

– Куда ты шел? – спросил Саша.

– Иди ты!..

– Невежливо. Еще раз спрошу: куда ты шел?

– Сдохнете здесь!.. Все!..

– Спрошу в третий раз и последний. После этого ты почувствуешь разницу между плохим разговором и доброжелательным. Куда ты шел?

Николай попытался достать Стольников ногой, но тот опередил и ударил человека Трофима в пах рукой. И тут же, вынув из набедренной кобуры «стечкина», ударил пленника стволом по носу. Перегородка хряснула, из ноздрей хлынула кровь.

– Я хочу, чтобы ты понял. Здесь идет война. Поэтому кормить тебя и поить я не буду. Я буду бить, пока ты не заговоришь. А потом, когда получу информацию и пойму, что ты к передвижению не пригоден, пристрелю. Так что тебе, пока ты еще не помят, лучше начать говорить. Итак: куда ты шел?

Размахнувшись, Стольников еще раз ударил по сломанному носу стволом пистолета. На этот раз сильно. Голова Николая дернулась, как после удара током, кровь веером брызнула в стороны. Шурик смотрел на происходящее круглыми от изумления глазами так, будто не верил им.

– Куда ты шел? – И капитан снова поднял руку.

Николай поднял на него мутные глаза и стал шумно дышать.

– Послушай, – Саша присел перед предателем на землю. – Я хочу, чтобы ты понял... Мои друзья в беде. Люди, которые мне верят и которые меня ждут. Если бы не ты, мерзавец, им не было бы нужды оставлять крепость. Так что ты мой враг. За одну только каплю крови любого своего бойца я могу убить, не раздумывая. А там на кону жизни. Представляешь, что я с тобой сделаю, если ты не заговоришь? Тебе это нужно?

– Вас всех надо было убить... сразу, как вы появились. Я говорил Трофиму, но он меня не послушал!..

Стольников решительно поднялся, и бойцы, зная, что за этим последует, отошли подальше.

– Товарищ капитан!..

Стольников удивленно обернулся. Перед ним стоял Шурик.

– Разрешите мне?

– Что тебе?

– Попробовать?

– Что попробовать? Я собирался сломать ему ключицу. Хочешь сделать это за меня?

– Нет!.. – Шурик замялся. – Он не виноват, он просто не знает, что существует другая жизнь, лучшая... Он предал, потому что не знает других отношений...

– Мы сейчас с тобой что, пьем чай в учительской? – изумился Стольников.

– Он все равно не заговорит, он так воспитан!

– Правда? – вскричал Стольников. Выхватив нож, он насквозь пронзил им плечо Николая. Подтянув побледневшего лейтенанта к себе, Саша схватил его за шиворот.

Ждан отпрянул.

– Ты на войне! Мне все равно, как он воспитан! – под крик Николая, заорал Стольников. – Жаль, что мне приходится объяснять тебе это сейчас, когда умирают мои, а значит, и твои боевые товарищи! А это – предатель! Племени своего! Русской крови – предатель! Он шел к Алхоеву, чтобы в стане моего, а значит, и твоего врага спасти свою шкуру от горожан, которых предал! Но я думаю, я уверен, что он шел не к бункеру, я знаю дорогу к нему! Он шел севернее! Значит, шел туда, где находится враг, который нападет на нас с одной-единственной целью – убить нас! Мы – дичь Алхоева, и этот подонок – орудие в его руках! – Саша оттолкнул лейтенанта от себя и провернул нож в плече Николая. – А потому он скажет мне, куда шел, или я буду резать его, пока он не отдаст концы! Это понятно, лейтенант?!

Шурика стало рвать. Его выворачивало наизнанку, едва он вспоминал запах крови и блеск окровавленного лезвия в человеческом теле. К лейтенанту подошел Яшин и протянул ему кусок бинта.

– Здесь война, товарищ лейтенант. И если вы не научитесь воевать, умрете.

– Разве этому... можно научиться? – прошептал Ждан, оглядываясь через плечо.

– Вас ведь никто не заставлял учиться на офицера?
– Меня такому не учили... это против правил...
– Здесь одно правило – убей первым. У вас слюна на подбородке, лейтенант.
Утершись, Шурик все-таки вернулся к Стольникову.
– В пяти верстах отсюда – завод... – глухим голосом проговорил Николай. – Я шел туда...
– Почему не в бункер?
– Там сейчас никого нет...
– Откуда знаешь?
– Я живу здесь дольше тебя...
– Допустим.
– Что производит завод?
– Не знаю, какой-то химический элемент...
– Какой?
– Не знаю...
Нож провернулся снова.
– Сколько можно это делать?! – заорал помощник Трофима, суча ногами и разбрызгивая по траве капли пота. – Я не знаю!..
– Послушайте, товарищ капитан! – взмолился Ждан. – Откуда он на самом деле может знать? Вы же сами говорили, что эти люди не имеют представления даже о телевизоре!
– Человек, не имеющий представления о телевизоре, произносит фразу «химический элемент». – Стольников обернулся. Его лицо было напряжено. – Пошел вон отсюда, сопляк!..
– Вы не смеете... – покраснел Шурик.
Яшин прихватил его за локоть.
– Лейтенант, не зли его, хорошо? – проговорил золотозубый в ухо Ждану. Показалось – с угрозой проговорил. – Иначе разозлюсь я. А это иногда еще хуже.
– Вы тоже не смеете!
– Этот элемент они изучают уже пять лет! – кричал Николай. – Пять лет! Скоро они закончат работу, уйдут отсюда, и жизнь наша наладится! А вы только все испортили, сволочи!..
– Он сошел с ума? – спросил Кабан, рослый боец с пулеметом в руках.
– И что теперь с ним делать? – пробормотал Грек, стоящий рядом.
– Что с моими людьми?
– Я думаю, я думаю... что они все сдохли! – брызжа слюной, прокричал Николай. – Потому что между крепостью и заводом организован блокпост, и Алхоев наверняка его усилил!.. Вы все трупы! Все до единого! Твоих солдат загонят в ловушку, в ущелье, и пленят! Ты понял?
– Ну, тут ты ошибся, – зловеще улыбнулся капитан. – Их нельзя взять в плен.
– От газа еще никто не спасся!
Стольников выпрямился и посмотрел на Николая.
– Назови мне хотя бы одну причину, чтобы я не волок тебя с собой, теряя время и ставя под угрозу жизни моих людей.
– Знаешь, что я сделаю первым, когда сбегу от тебя? – свирепо вращая красными глазами, сказал Николай. – Я буду резать на твоих глазах солдат... По очереди... чтобы ты видел их смерть... А потом доберусь до тебя... Вспорю живот... отрежу уши...
– Идите сюда, мой дорогой психолог! – позвал капитан Шурика. – Ну что, перед вами по-прежнему жертва обстоятельств?
– Возможно, дурная наследственность, возможно...
– О-о, да-а! Я спросил того, кого следовало! – ухмыльнулся Стольников и, опустив пистолет, трижды выстрелил.
Николай содрогнулся и затих.

– Лейтенант, я хочу, чтобы ты запомнил одно правило. Хочешь жить – умей вертеть, – проговорил Саша и, несколько раз вонзив лезвие в землю, чтобы счистить кровь, вставил нож в ножны. – По коням, ребята.

– К бункеру? – на бегу поинтересовался Яшин.

– Нет, к ущелью.

Но выйти к упомянутому Николаем ущелью им не удалось. Еще издали Стольников заметил движение в «зеленке». С небольшой высоты в бинокль хорошо было видно, как кто-то в пятнистой форме и с автоматом в руках со всех ног мчится в их сторону.

– К бою!

Распластавшись на земле и укрывшись за камнями, бойцы заняли удобные позиции.

– Мать честная!.. – прокричал Яшин, не отрывая глаз от бинокля. – Это же Жулин!..

– Кабан, Грек, со мной, остальные на месте! – сорвавшись с места, прокричал Саша и бросился навстречу Олегу...

3

Между Жулиным и преследующими его боевиками было не более ста шагов. И, если прапорщик своих уже увидел, то спешащие его добить бандиты Стольников и его группы еще не замечали.

– Кабан, пулемет на сошки! Грек, отсекай ближних!

Встав на колено у дерева, прижавшись к нему плечом, Грек взял в оптику прицела бегущего боевика с редкой, словно выдранной клоками, бородой, и мягко нажал на спусковой крючок. Пуля прошла в полуметре от головы прапорщика и развалила боевику череп. Он так и упал на бегу, не осознав, что произошло.

Выстрел заставил бандитов изменить план, который и раньше особым изыском не блистал. Нужно было русского во что бы то ни стало взять живым, а если не получится, уничтожить. Это было и до сих пор остается основным принципом войны боевиков с разведчиками. Теперь же выяснилось, что у прапорщика есть спасители. Кто они – выяснять не было времени. Кинетическая энергия погони толкала чехов вперед, и они этой силе не сопротивлялись.

Жулин, чтобы не выскакать на поляну, круто изменил направление движения и ушел на фланг засады Стольников. Это позволило Саше как следует рассмотреть и оценить силы, участвующие в погоне.

Шестеро боевиков, рассыпавшись в цепь, в шахматном порядке двигались по «зеленке». Они гнали Жулина, как егеря гонят зверя на стрелков. Шахматный порядок был обусловлен не особой тактической задумкой, а, напротив, беспорядочным шествием. Несколько бандитов двигались быстрее остальных, и потому они выдвинулись за время погони вперед.

– Кабан!..

«ПК» бойца загрохотал непрерывной очередью. Патронов Кабан не жалел. Он выходил на задание с шестью коробками лент, одну наматывал на себя и еще две просил намотать на себя друзей. Желаящих находилось, как правило, немного, и вот уже два года Кабан брал хитростью. Во время отдыха он почти всегда выигрывал в карты, причем против переноски одной ленты от своего пулемета ставил пятьсот рублей. Кабан в карты играл неплохо, поэтому патронов в бою у него всегда был тройной комплект. Впрочем, проигравшие не возмущались.

Ветки сыпались с дерева, двое чехов рухнули на землю. Боевики открыли ответный огонь, Стольников услышал свист пуль и стал стрелять, отсекая очереди по два патрона. Он бил по шевелящимся веткам, чаще – наугад. Вести бестолковый огонь было необходимо для плотности огня.

Преследование Жулина захлебнулось. Немного выждав и для остротки пару раз предложив сдаться, боевики стали оттягиваться назад. Но Стольников не заметил активного отступления. И тогда, вынув из кармашков жилета две «Ф-1», одну за другой запустил поверх крон низкорослых деревьев. Два разрыва прозвучали с интервалом в две секунды. Кого-то из боевиков задело – послышался крик.

– Олег, сюда!

– Командир! – прапорщик, казалось, обезумел от радости. Он подбежал к капитану, обнял его и, перевернувшись на спину, захохотал дико и громко. – Капитан...

– Олег, ранен?

– Нет...

– Где люди?!

– Их взяли, командир... Не уберег...

Дав приказ отходить, Стольников помог прапорщику подняться и, перекинув его руку себе через плечо, повел к тому месту, где остались Ждан и двое бойцов.

– Как это случилось?

– Они загнали нас, Саша... загнали, как крыс, в ущелье... А потом забросали гранатами... Я спускался последним и, когда понял, что в овраге облако странного дыма, а люди падают замертво, выскочил наружу. Они меня не заметили...

– И ты их оставил?

– Я думал, их отравили, командир!

– Олег, ты уже второй раз уходишь от бандюков, оставляя людей!

Через мгновение Стольников пожалел о сказанном. Освободив руку, прапорщик посмотрел на Стольникова полными слез глазами и побежал по кривой, спотыкаясь и падая, в ту сторону, откуда совсем недавно бежал сломя голову.

– Ты думаешь, я трус?! – доносился до капитана его голос. – Ты решил, что я не хочу умирать?! Нет, хочу! Для тебя, командир! Специально для тебя пусть меня прошьют!..

– Не дури, Олег! – прокричал Стольников, догоняя его и снова взваливая на себя. – Просто так получается, мать твою, все время! Но я же не говорю, что ты делаешь это специально!

– Нет, я специально это делаю, специально!..

– Заткнись! – приказал Саша. – Они... живы?

Опустив прапорщика на землю рядом с Шуриком, Саша сорвал с ремня фляжку и поднес к губам Жулина.

– Когда я выпрыгнул из оврага, все уже лежали на земле... Чехи стали спускаться вниз, и кто-то из них заговорил по-русски. Наверное, среди бандитов были славяне... Я услышал: «К тому моменту, как они очнутся, уже должны быть взаперти»...

– И что дальше?

– Дальше... Я выскочил из-за дерева и стал стрелять по чехам. Двоих или убил, или ранил – не знаю точно... А они стали стрелять в меня... И тогда я побежал обратно. Вот и все, Саша... Что я мог сделать?!

– Да не голоси ты ради бога! – рассердился Стольников. – Ты уже всех тут достал!

– Так... – отойдя от Жулина, Саша некоторое время ходил кругами и тер подбородок. – Так... Слушать меня!

Бойцы все это время только это и делали. Никто из них и глазом не моргнул, давно привыкнув к повадкам командира. Единственный, кто поднялся, был Шурик.

– Слушать меня... Сейчас мы с прапорщиком Жулиным уходим. Вы выдвигаетесь вслед за бандой. Старший...

Шурик замер, в ужасе ожидая, что будет, если капитан назовет его. Но Стольников решительно назвал имя Яшина.

– Ваша задача связаться в бой и попробовать отбить наших. Мы с прапорщиком Жулиным вскоре к вам присоединимся.

В его висках стучало, когда он отдавал этот приказ. Он должен, обязан был в этой ситуации преследовать банду, захватившую его людей. Но капитан понимал, что упустит время. Группу мало отбить, людей нужно вывести из Этой Чечни. И потом, остается неразгаданной тайна завода Алхоева. Пока она покрыта мраком, и пока Саша не выяснил, какую продукцию выпускает предприятие, никто не поручится за безопасность и его отделения, и, если говорить строго, за жизни тех, кто в бригаде. Не исключено, что Алхоев под руководством высших сил трудится над созданием чего-то, что поставит под угрозу не только находящуюся здесь крепость... Вот и газы уже применены... Нет, Саша не мог пойти со своими, не выяснив главного.

– Командир, может, все вместе? – сомневаясь, спросил Жулин.

– Когда ты окажешься на моем месте, ты будешь принимать решение, вместе нам идти или не вместе! А сейчас я отдаю боевой приказ! Яшин, забирай людей, и вперед!

– Есть, командир, – спокойно отозвался тот, и за спиной Стольникова зазвучали привычные команды.

– Олег, нам нужно торопиться. И еще... – дождавшись, когда в «зеленке» исчезнет спина последнего из бойцов, Кабана, капитан посмотрел на прапорщика. – Олег, мы вернемся к своим. Но прежде нужно попасть на завод. Я не хочу оставлять за спиной нерешенные проблемы.

– Я разве возражаю? Я готов, Саша.

– Тогда вперед.

До входа в бункер было около пятисот метров, когда раздался первый выстрел в их сторону. Пуля свистнула, и снова стало тихо. И вдруг раздался громкий пересвист и послышался звук выстрела. Разведчики рухнули на землю, и в этот миг боевики открыли шквальный огонь. Казалось, чехи специально дожидались, когда разведчики лягут за укрытия. На самом деле это был обычный звуковой обман. Выпущенная из ствола оружия пуля имеет скорость выше скорости звука, и часто бывает так, что боец ловит ее грудью и умирает, не услышав хлопка оружия. Поэтому, когда раздался свист первой пули, Стольников упал на землю и еще до соприкосновения с ней понял, что стреляли по ним с расстояния не менее трехсот метров. В противном случае он услышал бы выстрел.

– Они держат оборону в сотне метров от бункера!

– Да я их вижу! – ответил Жулин, ныряя головой за камень. – Только не могу понять, сколько их там.

Стольников вставил гранату в подствольный гранатомет, то же самое сделал прапорщик. Выбрав угол атаки, они нажали на спуски. Заряды ушли в небо, и еще до того, как вдали послышались их разрывы, разведчики выстрелили еще по одной гранате. А после – еще.

Парные разрывы грохотали впереди, Саша видел, как вздымается земля на месте их падения, и пока боевики искали укрытие, торопился преодолеть разделяющее их расстояние.

Когда снова раздался свист, на этот раз уже сопровождаемый выстрелами, разведчики снова залегли. Теперь перестрелка шла почти в упор.

– Еще по паре раз ударим?

Саша выглянул из-за камня.

– Боюсь, теперь стрелять придется прямым выстрелом.

– А гранаты мимо не пролетят?

– Промажешь – пролетят!

Выглянув из-за холма, они выстрелили из подствольных гранатометов. Перезаряжать было некогда – до бандитов теперь оставалось чуть больше пятидесяти метров.

– Ну, аллахакбары, держите яйца руками! – озлобленно выкрикнул прапорщик, стреляя очередями и мчась вперед.

Стольников двигался правее, во время последней «лежки» ему удалось выхватить из кармана жилета ручную гранату.

– Олег, лежать! – выкрикнул он, швыряя «Ф-1».

Это было рискованно. Оборонительная граната, радиус разлета осколков которой двести метров, могла посесть и разведчиков. Но это был единственный способ подавить сопротивление боевиков. Против них работали три или четыре автомата и ручной пулемет. По мере продвижения Саше стало ясно, что стрельба из «АК» поредела, но пулемет по-прежнему работал. К нему-то, стараясь угодить за спину пулеметчику, и бросил он гранату.

Разрыв разметал в разные стороны засевших за бугром боевиков. Стольников видел, как в воздух подлетел автомат и комья земли, густо перемешанные с фрагментами человеческого тела.

До людей Алхоева оставалось несколько шагов...

Вскочив на бугор, разведчики опустошили магазины. Под ними корчились в агонии трое боевиков. Одному из них оторвало руку, живот другого был распорот чугунными осколками,

бандит двигал ногами и шептал что-то на языке, который не понимали ни капитан, ни прапорщик.

– Один ушел, – крикнул Олег, вскидывая автомат.

Боевик без оружия, держа за чем-то в руке кепку, стремительно убежал в сторону холма, очертания которого Стольников узнал сразу: это был вход в бункер Алхоева.

Жулин нажал на спусковой крючок, и автомат дернулся в его руке. Бандит, споткнувшись, еще некоторое время бежал, а после стал хромать. Чем дальше он уходил, тем заметнее становилась его хромота.

– В поясицу... – пробормотал Жулин. – Он сейчас в шоке и движется на автопилоте... А вообще-то с таким ранением не ходят.

Подняв автомат, он на бегу выстрелил еще раз. Боевик резко остановился и повалился лицом вперед. Он упал плашмя, едва коснувшись коленями земли.

До входа в бункер оставалось не более пятидесяти метров...

* * *

Яшин торопил группу, боясь опоздать. До места перестрелки они добрались через пять минут.

– Вот он, овраг! – задыхаясь, стволом пулемета Кабан показал расщелину в земле.

– Разве никто, кроме тебя, его не видит? – усмехнулся Яшин и блеснул зубами.

– Только не нужно в него спускаться, газы могут быть тяжелыми, и испарения нас отключат! – предупредил Шурик.

– Хорошо, товарищ лейтенант, – улыбнулся сержант. – Мы не будем спускаться в овраг. Хотя я и не планировал это делать...

Они рысью обежали расщелину и, войдя в «зеленку», ускорили бег.

Рельеф местности, по которой они двигались, был необычен. Заросли чередовались с оврагами, и было непонятно, за счет чего могли образоваться в земле эти трещины. Воды поблизости не было, грунт был прочен, не могло же солнце раскалить землю до такой степени, что началось движение горных пород?

– Какого черта? – ругался Яшин, то погружаясь в «зеленку», то выходя из нее. И каждый раз, когда это случалось, приходилось обходить очередную расщелину.

– Откуда взялись здесь эти траншеи?!

Удивление Яшина, исходившего ногами и объехавшего на броне почти всю Чечню вдоль и поперек, было понятно, хотя Шурик и принимал его возгласы за обычное раздражение. Прав был сержант в одном – рельеф необычен и, скорее всего, объяснения тому нет. Местность, по которой они шли, являлась крышей самого большого подземного завода в мире...

– Не отставать! – рявкнул Яшин и повернулся к Шурику. – Товарищ лейтенант, разрешите задать вопрос?

– Я по поводу своей позиции уже высказался!

– Какой позиции? – изумился сержант.

– По поводу пыток и убийства военнопленных!

– Да я не об этом!

– Тогда о чем, сержант? – легко дыша и передвигаясь без труда, спросил Ждан.

– У вас женщины были?

– Чего?!

– Нет, я так, из любопытства... Если не хотите, не отвечайте. Мы, в разведке, все друг о друге знаем. Так положено. Как только появляется новый офицер или боец, так сразу собираемся, и он рассказывает, сколько у него женщин было, кого он в каких позах... Ну и так далее. Так у нас заведено, традиция...

– Что, и Стольников о себе рассказывал?

– Ну а как же?! Это же разведка!

– Серьезно, что ли? – изумился Ждан.

– Я думал, вы знаете.

– Нет, ну, знал, конечно...

– Ну вот.

Шурик выдержал паузу, думая, с чего начать.

– Вы знаете, сержант Яшин, у меня с этим делом всегда трудности были... Нет-нет, не в том смысле, что секс там или что...

– Не стесняйтесь, не стесняйтесь, – поощрил Яшин.

– Послушайте, я вам сейчас все расскажу, а потом еще остальным рассказывать?

– Да вы не волнуйтесь. Я сообщу, что мне уже рассказано, так что все в порядке! Так заведено.

– Ну ладно, – успокоился Шурик. – В общем, друг у меня в Коломне есть. Так вот все, что мне приходится покупать или красть, к нему приходит само и уже полураздетое. Целый день как какой-нибудь Басков шлифуешь перья, буриданишь между Кензо и Гуччи, заказываешь столик, потом ведешь на Хворостовского...

– Так, так...

– А когда уже в гардеробе накидываешь пальто на эти многообещающие хрупкие плечи, ей вдруг мама звонит. И голосом Левитана сообщает, что ноготь сломался. В этой связи ей срочно нужно ехать к маме. Они там вдвоем приставят обломок на место, прочитают при свечах послание Павла коринфянам, поцелуют шов по очереди и акрил регенерирует. Я должен в это срочно поверить. Потому что они всегда так делают. И я верю, ибо сам всегда так делаю. «Костик, ты позвони мне ровно в девять, скажи, что ноготь сломался. Если крокодил, я отвалю». Но тут было, видимо, без вариантов, мама просто сказала, перекрещивая на пороге дочку: «Чтобы в десять дома была, стерва». Маму моя прелесть боялась, как зубного, но свиною ей все равно подложила, хоть и шепотом. «Пойдем в туалет, там сейчас никого...»

– Костик – это приятель? – довольно ухмыляясь, поинтересовался Яшин, стараясь бежать так, чтобы его плечо касалось плеча лейтенанта.

– Ну конечно. На чем я остановился?..

– На туалете.

– Да... Из туалета я возвращаюсь унылым. Вообще, я так представлял себе это: толкаю ее на кровать в гостиничном номере, и пока она скачет на матрасе, хватаюсь за воротник рубашки и одним движением освобождаю себя от пиджака и брюк как Бэтмен от плаща. «Ну, прыгай же на меня, мерзавец!» – рычит она, оскалившись. И тут такое начинается.

Яшин хохотнул.

– Вместо этого: бесконечная мраморная раковина и автослив писсуаров вразнобой, – продолжал Шурик. – Ощущение, словно занимаешься любовью в казарме, а за твоей спиной взвод солдат во сне слюни втягивает. «Представь, что это водопад», – предложил я, и она представила. Через минуту, в самый разгул стихии, пришел какой-то мужик в синем с белыми пятнами халате, вывалил из урны мусор в мешок, покурил и ушел. «Леопард...» – задыхаясь, подсказала она. «Как бы тифом болеет», – обосновал я. И когда ей начинает уже казаться, что на американских горках вниз падает, а мне – что я с нею в одном вагончике... в какой-то кабинке раздается реальный водопад, грохочет дверь и появляется афроамериканец с развернутой *Moskow News*. Черный брат сходил на Хворостовского, и вот результат. Подошел к зеркалу, оскалился, как дог, почистил зубы языком и свалил. Мы его, как хамелеоны с листочка, глазами довели, он на нас – ноль внимания. Это понятно: белые на белом кафеле. Люби он черную сестру на куче угля, я бы их тоже не заметил. Мне было очень интересно, что он в кабинке зубами делал, но меня торопила моя белая сестра...

Яшин, глядя в заросли, кивком поощрил Шурика на продолжение рассказа.

– Снял ее с раковины, посадил в такси. Еду домой, и ощущение после Хворостовского, как после Петросяна.

– Это бывает, – согласился Яшин. – Ну, как, лейтенант, оттянуло?

– Не понял... – словно очнувшись, процедил Шурик.

– Я вижу, вы второй час раздумываете, команды командира выполнять или свинтить отсюда?

– Что за чушь?!

– А вот сейчас по глазам вижу: все в порядке!

Слегка порозовев, Ждан покачал головой. Хотел сказать что-нибудь резкое, неприятное Яшину, но вдруг заметил его улыбку и рассмеялся. Яшин поддержал.

– Мы помогаем друг другу. Это разведка, товарищ лейтенант, так положено... А про секс в сортире правда?

– Да!

Яшин расхохотался.

– Ладно, я никому не скажу.

– Так здесь же так положено?... – пробормотал Шурик.

– Да пошутил я!

Ждан покраснел.

– Между нами, между нами! – пообещал сержант. – Вы испуганы, а вас в чувство приводить надо... Я просто помог, понятно?

– Спасибо.

Яшин кивнул.

Дружный залп боевиков повалил разведчиков на землю.

– Откуда они стреляют? – крикнул Кабан, пытаясь определить направление, в котором должен начать работать его «ПК».

– Кабан, десять часов!.. – проорал Грек и, развернувшись влево, ответил короткой очередью.

Через минуту Яшин понял, что группа находится в окружении.

– Они дали нам зайти сюда и обошли с флангов! – чертыхнулся он. – Но почему я не видел этого?!

Он и не мог видеть. Через систему подземных сообщений несколько боевиков, выждав, когда группа пройдет мимо них, поднялась наверх и замкнула кольцо окружения.

– Мы окружены, что ли?! – вскричал Шурик.

– Стреляй, лейтенант, стреляй во все, что движется! – рассмеялся сержант.

Не выдержав, Ждан тоже рассмеялся.

– Вообще-то, Яшин, меня сюда из Коломны вызвали пару лампочек в штабе заменить!..

Яшин расхохотался.

– Ну так вкручивай!

Подняв автомат, Шурик прицелился в боевика и нажал на спусковой крючок. «АК» послушно, как на стрельбище, дернулся в его руках. Это был первый его выстрел на войне. Первый выстрел в человека.

Боевик схватился за плечо, бросил в сторону Ждана ненавидящий взгляд. Затем прокричал что-то и провел ребром ладони по горлу.

– Добивай, командир!.. Таких надо кончать сразу! – посоветовал Грек. – А выстрел отличный!

Воодушевленный Шурик прицелился и снова выстрелил. «АК» опять трянуло, но в пылу боя он этого даже не почувствовал. Пообещавший Ждану смерть чех уткнулся лбом в дерево.

– Молодец, лейтенант Ждан! – радостно вскричал Яшин. – А еще, слабо?!

Шурик в азарте откинул пустой магазин, пристегнул полный. Не слыша свиста пули и криков вокруг, стал стрелять, крутясь на месте, как ящерица. Он не помнил, как менял магазины, как вынимал гранаты и швырял их в цель.

– Ванька, сдавайся! Головы резать будем!

Говорящего кто-то поправил, и он крикнул еще громче:

– Сдавайся, ванька, иначе головы резать будем!

– У вас-то головки уже подрезаны? – крикнул Грек. – А то, если нет, идите ко мне, у меня есть чем оперировать.

После этих слов бой снова продолжился. Шурик слышал, как пули бьют в камни, впиваются в землю и взмывают перед его лицом комья дерна. Его первый в жизни бой проходил, как во сне. Шурику все казалось, что сейчас чехи перестанут стрелять и начнут отходить. Не может же так быть, чтобы они победили! Нет, они непременно должны отступить!

Но чехи почему-то не отступали. И даже Яшин, на мощь которого Ждан теперь надеялся, ничего не мог сделать. Второе предложение сдать прозвучало тем же равнодушным тоном, которым было сделано первое. Этот тон покорибил Шурика. Боевики словно рассказывали прогноз погоды, и четверо разведчиков, зажатых в камнях на опушке «зеленки», тревожили их не больше, чем рой комаров.

– Яшка, нужно что-то делать, – хрипло бросил Кабан, отстегивая пустую коробку и отбрасывая ее в сторону.

– Надо, надо что-то делать, Кабан, вот только я пока еще решаю, что именно... И не лезь ко мне, черт возьми!

– Да ладно, я просто спросил, – передернув затвор, Кабан коротко выпалил в цель, которая показалась ему подходящей.

Шурик ощупал карманы жилета. Оставалось три магазина. Значит, пять он расстрелял. У бойцов за спиной были вещмешки с патронами, и Шурик видел, что, пока кто-то из троих стрелял, двое других поспешно снаряжали магазины. Происходило это деловито и машинально. Несмотря на обстановку, Шурик позавидовал той старательности, которой ему сейчас так не хватало. Бойцы работали и ничего необычного для себя в окружающей действительности не находили. Как только в магазин входил последний, тридцатый, патрон, двое стреляли, а третий снаряжал. Вещмешки были сняты с плеч и лежали на земле. Все прямо указывало на то, что разведчики здесь надолго.

«Или – навсегда?..» – подумал Шурик.

– Готовь шашки!

Ждан наконец-то вспомнил о тротильных шашках, которые бойцы несли с собой все это время. Сколько их было, этих шашек, Шурик не знал, видел лишь, что, когда бойцы готовились к выходу, они скручивали их по четыре и в одну из них вставляли детонатор с коротким бикфордовым шнуром. Стольников говорил, что тротил понадобится для каких-то взрывных работ, но Яшин сейчас решил его применить, справедливо рассудив, что этих работ в ближайшее время не предвидится. А патроны, как их бойцы ни экономили, подходят к концу.

Кабан вытянул из вещмешка две связки тротила и сунул в рот сигарету. Приложил к срезу шнура две спички, чиркнул коробком. Шурик обратил внимание на неторопливость движений Кабана. «Оно и верно, – подумал, – куда теперь спешить-то?»

Прикурился от шнура, Кабан размахнулся и, лежа, швырнул связку тротила в сторону боевиков. Через три секунды – не успели чехи даже закричать, подавая сигнал об опасности друг другу, – раздался взрыв. Нельзя сказать, что он потряс Шурика, но грохот ручной гранаты по сравнению с этим грохотом был хлопком стартового пистолета.

Земляной шар ненадолго поднялся в воздух, повисел немного и осыпался на землю. Раздался дикий крик. Шурик не успел спрятать голову, и по лицу его прошлась взрывная волна – словно вентилятор развернул к нему свои лопасти.

Вслед за Кабаном швырнули связки Грек и Яшин.

– Отходим, ребята! – хватая вещмешок и бросаясь в сторону разрывов, прокричал сержант.

За мгновение до появления двух земляных шаров он рухнул на землю, как подстреленный. Шурику сначала так и показалось – Яшина подстрелили. Но как только на спину лейтенанту посыпался дерн и осколки камней, сержант вскочил и побежал, стреляя от бедра, наугад, дальше. За ним бросились Кабан и Грек.

– Лейтенант, не отставать!.. – рывкнул последний, и Шурик успел заметить его белое лицо.

В руке Грек держал связку шашек, и исходящий от нее тонкий дымок подсказал Ждану, что до взрыва три или четыре секунды.

И в этот момент он понял, что Грек – убит... Просьба Шурику не отставать была последней фразой в жизни разведчика. Проштытый пулями, он упал на колени и с растерянностью, уже почти мертвый, посмотрел на дымящуюся в руках связку тротиловых шашек.

Ждан, словно при замедленной съемке, видел, как связка вываливается из рук Грека, а сам боец, заваливаясь вправо, падает на землю...

Очнувшись, Шурик бросился к связке, схватил ее и, размахнувшись, послал в сторону боевиков. Не долетев до земли около двух метров, она с грохотом разорвалась. Шурика оглушило, сбило с ног, он почувствовал, как падает на Кабана, и последнее, что он слышал, был звук захлебывающегося бесконечной очередью пулемета...

Яшин вбежал на бугор, за которым прятались бандиты, и двумя очередями расстрелял спрятавшихся за ним раненых боевиков. Обернувшись, прокричал:

– За мной!.. – и в этот момент увидел, как падает без сознания Ждан, и как пятеро или шестеро чехов пытаются повалить с ног ревущего, как медведь, Кабана...

– Суки!.. – развернувшись, сержант бросился назад.

Двумя очередями он свалил одного из бандитов, но когда нажал на спусковой крючок в третий раз, он без труда прижался к рукоятке. Только что он расстрелял магазин, и переворачивать скрутку или вынимать новую времени не было.

Выхватив нож разведчика, он выстрелом вбил пулю в лоб бросившегося на него боевика, а второму всадил нож по самую рукоятку в грудь.

И в этот момент удар страшной силы заставил Яшина покачнуться и опуститься на колени. Лейтенант Ждан без сознания и Кабан, которого ломали на земле боевики – это было последнее, что он увидел. Через секунду свет померк, и Яшин залитым кровью лицом уткнулся в траву.

– Что с ними делать? – спросил взмыленный, словно лошадь, чех в кепи.

– Доставить к остальным, – ответил ему Дага.

– Им нужно отрезать головы. Разреши, я это сделаю?

– Ты не в Шатое! Выполняй!

Боевиков Алхоева оказалось больше, чем можно было представить. Когда все они вышли из-за укрытий, из них можно было составить мотострелковый взвод.

– Они убили восьмерых наших! – не унимался боевик в кепи.

– Магомед приказал доставить всех живых к пленникам! Или ты не слышал?!

Не так трудно это было сделать. В «зеленке», в пятидесяти метрах от места схватки, закрытый валежником, обнаружился вход под землю. Через несколько минут трое раненых разведчиков были перенесены туда и спущены вниз. Подойдя к телу Грека вплотную, Дага дважды выстрелил в него из пистолета.

«Грязные свиньи...» – прошептали губы боевика.

Преследуя неделю назад банду Алхоева, Стольников вывел из окружения в Эту Чечню семерых бойцов и штурмана Пловцова. Чтобы спасти их, он вернулся с пятью бойцами, и оставшиеся из них в живых были теперь захвачены в плен. Разделить группу и оттянуть на Яшина внимание боевиков было частью плана Стольникова. Думал ли он, что могло случиться то, что случилось? Да, он думал об этом, одновременно веря в неуязвимость своих людей. Но быть на войне уверенным в чем-то наверняка – глупо. Яшин вступил в бой, давая возможность Стольникову и Жулину войти в бункер. План сработал, и единственное, на что теперь надеялся Стольников, это на удачу, которая спасла бы Яшина и оставшихся с ним людей. Но разве не этой надеждой пять последних лет жил Стольников? И разве не оставался он прикрывать отход группы, когда от этого зависели жизни бойцов?

Он отправлял группу Яшина на поиск захваченных в плен друзей, но случай изменил план командира. Неожиданная встреча с боевиками в «зеленке» заставила Яшина принять единственное верное решение – задержать бандитов как можно дольше. Стольников и Жулин должны были войти в бункер.

Чувствуя, что его волокут по земле, а лицо саднит от боли, сержант скалился золотыми зубами и желал одного – чтобы капитан и прапорщик ушли. Тогда, если не пристрелят сейчас, есть шанс остаться в живых.

– Завод, завод... – сплевывая кровь и скрипя зубами от боли, бормотал Яшин. – Какой здесь, к черту, может быть завод? Командир, если найдешь минуту свободного времени, чтобы вытащить нас отсюда, буду очень признателен...

– Что ты там бормочешь, сволочь?! – вскричал кто-то из боевиков и, подскочив к сержанту, ударил его ногой в лицо.

4

До входа в бункер оставалось не более пятидесяти метров.

Мысленно Саша был уже там, внутри строения. Снаружи никого не было, очаг обороны был подавлен, оставалось только войти. Эта мысль и подвела капитана. Из двери бункера появился человек и бросил что-то разведчикам под ноги. Он исчез так же молниеносно, как появился, и Стольников успел только заметить, как странно выглядит этот человек.

– Противогаз! – крикнул Жулин.

Стольников остановился.

«Газы!..»

Представив, что может произойти, если в легкие попадет отравляющее вещество, Стольников похолодел.

Граната разорвалась с необычным шипящим звуком. Облако дыма мгновенно окутало Сашу, и он понял, что их провели. Голова стала странно легкой, словно не на шее держалась, а на ниточке – как воздушный шарик... Ноги утратили силу, и капитан развернулся в надежде, что прапорщик успел выйти из зоны поражения. Но Жулин стоял на коленях, дышал медленно и глубоко, автомат его лежал на земле.

– Нехорошо... – пробормотал Саша и не услышал своего голоса.

Уже не в силах стоять, он, как и Олег, опустился на колени. Пальцы разжались, и «АК» послушно лег на траву.

«Как же так?..» – подумал Стольников. Глаза слипались, очень хотелось спать. И он с равнодушным лицом прилег.

Вскоре стало ясно, что усыпленных таким образом бойцов не нужно было нести. Если только с глаз убрать поскорее. Когда Саша открыл глаза, он все еще лежал у входа в бункер. Жулин лежал напротив и смотрел ему прямо в глаза. Смотрел и моргал.

– Черт побери... – прошептал Олег, зная, что командир его слышит.

– Вы проснулись, господа русские офицеры? – раздался над Стольниковым знакомый голос. – Очень хорошо. Кофе?

Ржание почти оглушило капитана. Он уже давно заметил, что чехи смеются как-то особенно. Гортанный гогот, никакой искренности.

– Ну и что дальше, Алхоев? – спросил капитан, шевеля пальцами рук и ног, пытаясь оценить свое состояние после применения газа. Но кроме боли в голове и легкого чувства тошноты, ничего нового не обнаружил.

– А дальше все тот же вопрос, Сашья, – ответил Магомед. – Мне уже давно следовало бы убить тебя, тем более что у меня руки чешутся. Но мне нужен навигатор.

– Он всем нужен.

– Я понимаю. Но мне он нужнее. Поднимите их!

– Куда мы идем? – спросил Стольников, хотя понимал, что его заводят в бункер. Следом волокли Жулина, которого по дороге вырвало, и это вызвало приступ гнева у конвоиров.

– Не узнаешь знакомых мест? – саркастически заметил Алхоев. – Разве не сюда ты хотел попасть?

– Ты виноват. Мысли путаются. Что за газ, Алхоев?

– Не переживай, Сашья, это безопасный газ. Им пользуется полицейский спецназ США.

– Понятно.

– Нет, ничего тебе не понятно. Тебе все станет ясно, когда мы начнем разговаривать.

Стольников не ответил. Какой смысл тратить силы на бесполезный разговор?

– Может, пока не дошли, сразу скажешь, где устройство?

– Не скажу.

– Я так и думал, – без разочарования ответил полевой командир. – Помогите им идти быстрее!

Капитан получил несколько пинков. По звукам за спиной он догадался, что и Жулина не милуют.

Стольников шел, поглядывал по сторонам и пытался вспомнить, как выглядит вход в бункер. В прошлый раз он задержался у входа на минуту, не больше, была ночь, стреляли в него, и стрелял он. Где тут найти время, чтобы примечать мелочи?

Между тем место казалось ему знакомым. Где-то неподалеку от него, а быть может, это было именно здесь, он бежал трое суток назад, оставив крепость. Как выглядит вход, он помнил. Тяжелая металлическая дверь с задвижкой, укрепленная на тяжелых железобетонных блоках. А за ней – коридоры, коридоры... Не лучше, чем в лабиринте Ведено.

Но, к удивлению Стольникова, его не завели в знакомую дверь, а повели дальше.

«Обманка», – догадался Саша.

– Олег, что бы ни случилось, не верь им, – громко произнес он и тут же получил удар прикладом в затылок. Стольников повалился на землю.

– Сашья, избавь меня от необходимости отдавать жестокие приказы, – раздался голос Алхоева. – Поэтому не разговаривай со своим прапорщиком. Жулин, вы что-нибудь слышали?

– Да, я слышал, как капитан Стольников просил меня не верить ни единому слову уродов вроде тебя. Я так и поступлю.

Впереди шли двое. В форме без знаков различия, с традиционными зелеными косынками на головах, они светили перед собой фонариками. Следом за теми двумя другие трое, обступив Жулина, прокладывали дорогу основному каравану. За ними следовал Алхоев. Потом пятеро его охранников.

Стольников оглянулся. Колонну замыкали двое. Вооруженные автоматами, они ощупывали взглядами «зеленку».

«Видимо, боятся. Ожидают сюрпризов, – подумал Саша, едва заметно усмехнувшись. Его придержали, и он выглянул из-за спин охранников. – Да, это та самая дверь...»

Метрах в тридцати перед ним темнел прямоугольник. Когда дверь открылась, не раздалось ни звука. Маскировки визуальной – нет. Вероятно, Алхоев до сих пор был твердо уверен в безопасности своего укрытия.

Под землей блеснул приглушенный свет. «Электроэнергию экономят», – с сарказмом подумал Саша и поймал себя на мысли, что не к добру его улыбки и шуточки, если разобраться, ничего хорошего в том, что их с прапорщиком спускают под землю, нет.

– Саня! Что бы ни случилось, я жду тебя у крепости!

Один из охранников резко замахнулся. Но Жулин, опередив, качнулся и ударил его головой в лицо. Удар был такой силы, что боевик Алхоева повалился на землю, не издав ни звука.

Кто-то из охраны рванулся вперед, и Стольников услышал звуки сильных ударов. Потом послышался мат прапорщика и обещание вырвать всем сердце.

– Ну почему люди не верят мне на слово? – вскричал Алхоев. – Я же попросил – никаких разговоров!

Жулина подняли. Один из боевиков размахнулся и ударил его по лицу. Прапорщик снова потерял равновесие и упал на колени.

– Хватит! – рявкнул Алхоев.

Олега подняли. Покачиваясь, он смотрел на Стольникова, улыбался, а сам, незаметно для чехов, снимал с руки часы.

«До чего упрямый сукин сын», – подумал капитан и едва заметно кивнул.

– Что вы стоите? – вскипел Алхоев. – Ведите их вниз и закройте порознь!

Перед входом в бункер их развели в стороны. Один из боевиков придержал за плечо Стольникова. От чеха пахнуло потом и чесноком. Саша поморщился. И, как только трое охран-

ников по ступеням спустили Жулина так низко, что голова его скрылась из виду, капитан почувствовал толчок в спину.

– И не вздумай дергаться, сука! – раздался ему в спину совет.

– Зря ты это сказал. Я тебя убью.

Хохот – и снова удар в спину.

Свет погас. Лишь далеко впереди еле горела лампочка. Такая слабая, что даже отсюда в ней была видна красная нить накаливания.

Стольников и не думал дергаться. Во-первых, это было глупо, во-вторых, даже если бы к тому были основания, он был скован узким проходом и крутой лестницей. Хотя ступени были невысоки, ступать приходилось наугад. В прошлый раз горел яркий свет, сейчас же, в темноте, коридор казался другим.

Впереди себя он услышал сначала звук громкого плевка, потом цокот по металлическому полу.

– Что там происходит? – встревожился Алхоев и выругался по-чеченски.

Послышался звук еще одного плевка.

– Еще раз плюнешь, прапор, – зловеще пообещал полевой командир, – я попрошу сломать тебе руку. Ты меня понял?

Жулин ему не ответил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.